

бор перебросили свёрток, в котором оказалась «шик-блеск-красота» — пошитая в городском ателье новенькая форма. Нельзя сказать, что у оstarьных она сидела как седло на корове, но сделанная на конвейере по общим лекалам она и выглядела шаблонно.

Чума выглядел новинку и только после этого предстал перед взводом. И вроде ничего не появилось дополнительно-петушиного в дизайне, за что могли бы запретить ношение. Материал точно такой же, форменный. Но в меру приталенный китель делал не то что шире плечи, но подчёркивал их. Брюки швее едва заметно, всего на сантиметр-полтора, расклешла внизу, что наряду со строгостью лампас придало их обладателю слегка заливчатый ковбойский вид. Скорее всего, на миллиметр расширились и сами лампасы, став ярче.

Утром он обошёл все кубрики с непонятно где приобретённым бритвенным станком — искал пену. Во взводе никто ещё не брился, а имеющийся пушок на верхней губе, наоборот, ле-

мандиру.

— За совершение воинского подвига, проявленные в бою мужество и отвагу, нанесение существенного урона противнику и за сохранение государственного флага ДНР в тылу врага наградить медалью «Георгиевский крест» IV степени Воеводу Артёма Николаевича.

Суворовцы онемели, и первыми наполнили зал аплодисментами девочки. Артём стоял ни жив ни мёртв. Всё происходило, конечно же, не с ним, хотя остановившийся напротив начальник училища прикрепил Георгиевский крест к его мундиру. За спиной полковника — Таня и Ветка смотрят так, словно видят впервые. Чума согнул плечи, стараясь свернуть свои медалки. Зато Олешек Латынин изобразил туш на воображаемой трубе. Комод Дима Нестеров смотрел с откровенной завистью и восхищением: эх, мне бы такое!

— Что надо ответить? — прошептал Резников.

— Служу... — Артём замялся, потому что в России отвечают «Служу Отече-

рискнуть ли тебе, орденоносец Воевода, и ни пригласить ли на следующий танец одинокую королеву вечера? Терять нечего, а в случае успеха приобретёшь сразу всё! Или пан, или пропал.

Ещё не уверенный, что решится на подобное, до начала новых аккордов переместился поближе к медсестре: якобы случайно, методом броуновского движения. Зиночка улыбнулась навстречу приветливо, и у Артёма отлегло от сердца. Однако едва он, как вспомнилось из танцевальных уроков, заложил левую руку за спину и вознамерился с поклоном протянуть правую для приглашения, его заслонил Чума. Ладный, стройный, на голову выше Артёма, он тоже шёл ва-банк: награды за непонятные дела — это, конечно, эффектно, но мы живём настоящим. А в нём он — вице-сержант Чумаков. Пахнущий парфюмом после бритья. Прошу любить и жаловать! И приглашаю вас на танец. Шик-блеск-красоту для женщин никто не отменял.

Артём увидел, как растерялась Зиночка, как отразилась на её лице

На Артёма навалились остальные, он почувствовал на плечах даже девичьи руки. Эх, а ему мечталось ощутить хотя бы пальчики Тани. В единении... Словно уловив желание, она подошла с Веткой, дождалась освобождения Артёма из объятий и, словно боясь раздумать, отбросила зелёную прядь и поцеловала именинника в щёку.

— О! — оценил Чумаченко, но опять снисходительно, потому как дежурный поцелуй не значит в жизни ровным счётом ничего. Тем более и Ветка, поддерживая подругу, повторила то же самое со второй щекой колорита.

— Ребята, нам здесь делать нечего, — продолжал улыбаться Чума, не упуская из-под контроля ситуацию, а у Зиночки — локоток. Бедная Таня. Два месяца назад она стояла на месте медсестры... — И у меня есть предложение: отныне и до конца службы на нашей родной могут висеть только боевые награды!

Решительно отстегнул свою колодку, отправил её в карман. Идеально подогнанный китель не предусматривал излишеств, карман затопорщился, но помарка в одежде стоила того. И как же понравилась эта решительность самому Чумаченко, на которого с восторгом посмотрела медсестра! Может, ради неё и делается этот широкий жест? А завтра его грудь вновь засияет, как у маршала Жукова?

За замкоммывозда последовали «Фуражечка» и Валера Шлагин, снявшие свои значки. Славик отвлёкся на чей-то голос, чтобы не слышать договора. В пlosах оказался только Дима Нестеров, никогда не цеплявший юбилейных и общественных побрякушек: для него форма предназначалась исключительно для воинской службы, а не ношения блестяшек. Может, Чума саму идею у него и спёр, перевернув в свою выгоду?

Зазвучало танго, и Чумаченко не был бы самим собой, не выкинь очередной фортель.

— Мадам, — подал он руку Ветке.

Та в недоумении оглянулась на растерявшуюся Зиночку, но отказаться не осмелилась. В зале вместо ровного света от люстр принялись расчерчивать пространство лучи разноцветных прожекторов — ни на ком конкретно не задерживаясь, никому ничего не обещая. Своей выходкой Чума и Тане дали понять, что медсестричка в его жизни ноль целых ноль десятых, и самой Зиночке реверанс: вас намеренно приглашал орденоносец на тур вальса, я благодарно оставляю вас.

Но теперь Артёму предстояло делать выбор между двумя оставшимися дамами. Но Чума... Чума гениальный подлец. Как работает ум у этого человека?

— Наш герой нарасхват? — вышел из промелькнувшего фиолетового луча Резников. Доставивший командира прожектор взметнулся ввысь, возвращаясь в космос. — Суворовец Воевода, вы не станете возражать, если я приглашу одну из ваших дам на танец.

Да здравствует капитан Резников!

Тот поклонился, конечно же, медсестре, но счастьем и всеми цветами радуги от завершённости под потолком зеркального шара осветилось лицо Тани, избежавшей во второй раз отверженности. Долго же леший водил их по закуткам, прежде чем оставить одних. Но надо ли? Встреча — она Тане для удовлетворения самолюбия? Но он не желает никому подыгрывать, а тем более перед кем-то выламываться.

— Меня сегодня хоть кто-нибудь пригласит на танец? — глядя мимо Артёма, капризно надула губки Таня. Её зелёная прядь среди мельтешения разноцветных огней утратила оригинальность, сделав хозяйку стандартной участницей дискотек. Или всё же она ему разонравилась? Почём не стучит в груди, как в первый раз? Почему хочется боли и страдания, причём не Тане, а себе?

Она же ждала ответа, и Артём сделал удивлённое лицо:

— А что же Чумаченко...

— Ой, Чумаченко... Разве к нему можно относиться серьёзно?

— А кто мне?

Зря спросил. Танцевальные вечера проводят не для выяснения отношений. Да и про награду уже все забыли, срок восхищения ею закончился, как заканчивался сам вечер и суворовцы торопились определиться, кого он девчонок провожать до КПП и просить номер телефона.

Таню вопрос тоже напряг, но сделала вид, что из-за шума ничего не услышала. Протянула руку, словно уже получила приглашение на тур от замешкавшегося кавалера.

Поплёлся бычком на верёвочке. «Хто не був молодим, той не був дур-

ним», — сказала бы баба Клава. Вот бы её сюда саму. И весь класс. Нет, не хвалиться! Просто показать красоту. Хоть на один глазок. Или лучше не стоит расстраивать? Это он здесь, а они-то остались среди войны...

— Чего грустный? — вернула в действительность Таня. — На каникулах куда поедешь?

— Двоечники никуда не едут, — пожал плечами Артём.

От двоек, слава богу, отбился, но две недели каникул — это как раз время, которое он прогулял. Из-за которого в дневнике — тройки, а взводу — последнее место в роте по учёбе. Вот ляпнул Тане под горячую руку, а может, и впрямь себя наказать и никуда не поехать? Донбасс — это одно расстройство, а так нагонит ребят. Награды — они всегда даются за уже прошедшее, так что крестом не прикормеешь...

Натужно, вымученно, но танец закончился, и Артём отвлёкся на подружку. Давай, Чума, теперь ты разбирайся с дамскими капризами. Благо, белый танец объявляют единюжды за вечер, лимит исчерпан и можно спокойно подпереть угол в ожидании заключительных аккордов.

Одиночеству помешали Резников и Зиночка. Нет, капитан не привёл её дежурно к месту, откуда взял на танец. Медсестра была на полкаблучка, на взбитую причёску выше офицера, но Резников столь гордо держал голову и выпирал грудь, что разница скрадывалась. Да и послышался приглушённый звонок мобильного, сообщению из которого капитан откровенно обрадовался. С улыбочкой повернулся к Артёму:

— Суворовец Воевода, вам поручается охранять эту красивую женщину до моего возвращения.

Он явно торопился к дежурному по училищу, чтобы отпроситься со службы и проводить после дискотек медсестру. Пока числишься в армейском строю, хоть какие погони имеи на плечах, любое количество прыжков обозначай на значке парашютиста-инструктора, но изволь отпрашиваться у старшего. Детский сад по сравнению с СВБ — разгуляй-малина.

— Приказ ясен?

Безоговорочную готовность Воеводы остановила Зиночка:

— Если сама не уйду.

Но с удовольствием взяла под локоть Артёма, демонстрируя остальным: я занята. С каким недоумением смотрели из противоположного угла на них Чума и Таня. «А вот так, — улыбнулся им в ответ Артём. — Танки клопов не давят!».

Со стороны это выглядело, скорее всего, смешно и наивно, только кто же в юности размышляет по-стариковски? Да и вернувшийся через несколько минут взвзвонный улыбался во весь рот. Радость оказалась понятной, когда буквально вытащил из-за спины пуговку от смущения девчонку с русской чёлкой. Будь она в vareжках с красными ёлками, Артём узнал бы её быстрее. Алёнка! Дочь дяди Лёши. Каким ветром!

— Здравствуйте, — прошептала она, кивнув ботинкам Артёма и туфелькам медсестры.

Как? Как лесовичка оказалась на вечере? Значит, капитан не за себя ходил просить, а встречал московских гостей? Ясное дело, дядю Лёшу на территории училища не пустили, а Алёнку на вечер провести — проблем не составило...

Вокруг закуружили пары, и Алёнка опустила голову ещё ниже. Одета явно скромнее девчат, заранее готовивших наряды к вечеру, она осознавала это и откровенно жалела, что согласилась посмотреть училище и лично передать привет от отца дончанину.

— Сталось два-три танца, не стойте, — прикрывал их далеко не уходивший с партнёршей Резников.

— Пойдём? — пригласил Артём, вырывая готовую провалиться сквозь блестящий паркет девчонку. Наверняка ей в глухом лесу вольготнее, чем на балу. Ему тоже.

— Я... я не очень танцую, — прошептала Алёна, но руки на плечи положила. Пальчики вздрогнули от прикосновения к поганам, поспешили сплзти с них. Вероятно, она предположила, что раз вокруг столько разодетых красавиц, то они наверняка искусницы в танцах. Но, несмотря на плотненькое телосложение, сама оказалась гибкой и чувствующей музыку.

— Нам ещё возвращаться домой, — на всякий случай прикрылась, как щитом, отсутствием лишнего времени. — И папка ждёт на улице.

— Привет ему большой. Если бы я знал, что приедете, записался бы в увольнение и проводил вас.

— А мы утром ещё не собирались ехать. А потом папка говорит: до конца года надо выполнить все обещания. Еле дозвонился до твоего командира.

Выросли, хоть и под присмотром капитана, сгорающие от любвиства Чумаченко с Татьяной.

— Познакомись с незнакомкой? — интригующе подмигнув, поинтересовался Чума.

— Нет! — мгновенно вырвалось у Артёма, и это было правдой и единственным желанием.

— Жаль, — оставил за собой последнее слово вице-сержант. Ещё бы: всегда добивался своего, но тут уповил твёрдость в голосе Артёма и от греха подальше увёл не менее озадаченную всем сегодняшним вечером партнёршу. Алёна не стала интересоваться причинами проявленного недружелюбия, тронула пальчиками Георгиевский крест.

— А его за что дают? Ведь не всем? Танго позволило Артёму достать из кармана орденскую книжку. Сначала взглянул сам на номер награды — ого, меньше трёх десятков. Можно гордиться — не каждому!

Свет, настроенный на медленный ритм, дал возможность и лесовичке прочесть написанное, после чего она впервые подняла на Артёма свои глаза, да с таким удивлением, что брови скрылись под чёлкой. Жалко, что она опоздала на награждение, а то бы совсем онемела.

— Последний танец, — громко объявил распорядитель.

Во все лампочки вспыхнули люстры. Присутствующие завертели головами: причём как суворовцы, так и девчата, отсыскивая тех, кто пригласился и с кем бы хотелось оказаться рядом напоследок. Столь явные смотрины смутили Алёну совсем и она умоляюще попросила:

— Можно, я пойду. Папа ждёт.

Под взглядами одноклассников Артём провёл спутницу через зал. За ними потянулись и те, кому смотрины не требовались, но кто торопились побыстрее переодеться. Среди них оказались Зиночка и капитан, и КПП подошли четвергом. Судя по всему, капитана дежурный по училищу в город всё же не отпустил: на праздники за порядком в подразделении отвечают младшие по званию и должности.

Зато их догнали Чумаченко и нарочито громко смеющиеся Таня и Ветка. У Чумы имелась увольнительная, но, судя по всему, он не собирался выходить в город. Чтобы не провожать подруку? А они пожертвовали последним танцем, чтобы удостовериться, что Артём провожает незнакомку?

— Артёмчик, дорогой, пока-пока, — демонстративно пошевелила пальчиками в кружевных перчатках Таня, заставив соперницу торопливо спрятать своих красных оленей за спину. А Таня ещё взбила ярко-зелёную прядь, не вместившуюся под беретом: — Может, твою даму куда-нибудь подвезти? За моего брата на машине приедет.

Лесовичка совсем обмякла: здесь не её праздник жизни!

Однако Артём даже для приличия не кивнул бывшей подружке. Конечно, бывшей. Таким ласково-уничижительным тоном он даже Шнурку не звал, как она его — Артёмчик. И кто дал право унижать Алёну?

— Ты ещё приедешь? — с нотками просьбы спросил у неё. Имей возможность, он бы приехал в Москву сам...

— Я напишу, — торопливо пообещала лесовичка и толкнула вертушку на проходной.

Оставшийся за воротами Артём увидел, как ей помогали фарами из машины. Укрываясь от ветра, Алёна побежала до неё, скрылась в тепле. Возможно, дядя Лёша видел провожающего через ограду, потому что ещё раз поспинали фарами, втискиваясь в общий поток отъезжающих от КПП машин.

«Ты обещала написать», — вдогонку красным подфарникам проговорил Артём.

Его ослепили снова, но это уже давал знак брат Татьяна. Только ведь не ему — сзади стоял Чумаченко. При всех медалях. Публика разошлась, игра закончилась? Впрочем, а разве его демонстративное ухаживание за Алёной — это не игра, не месть Татьяне? Красивой, грациозной, современной, притягательной! Хотя у Алёны тоже, например, чёлка красивая. И подбородочек с ямочкой. Нет, она тоже симпатичная, если присмотреться и не сравнивать. И если напишет, он ответит...

— Ну что, идём укреплять дисциплину в соседней роте? — положив руки на плечи подчинённым, предложил Резников.

боец Республики

леяли в страхе, вдруг тот не вырастет снова.

Уроки пошли коту под хвост. Преподаватели, уже выставившие отметки, ослабили мёртвую хватку и могли себе позволить расслабиться.

Полковник Глузский в конце урока задумчиво, ни к кому конкретно не обращаясь, прочёл сначала на английском, потом немецком и французском эпиграмму Дениса Давыдова генералам, танцующим на балу во время его отъезда на войну:

*Мы несём едино бремя,
Только жребий ваш иной:
Вы оставлены на семью,
Я отправлен на войну.*

Лидия Фоминична, наоборот, в самом начале занятий приказала открыть тетради:

— Начинаем контрольную работу. Латынин, что это у вас за удивление? Да-да, дополнительная полугодовая работа. Пишем: «Билайн», номер...

И продиктовала свой номер телефона с разрешением звонить прямо с дискотек, если у кого возникнут проблемы с ударами, спрыжками при разговоре с дамами. После этого у самых последних скептиков исчезли сомнения: новогоднему балу быть.

Дискотека началась с дуэта скрипки и пианино в исполнении выявленных в младших классах Паганини и Шопена. Это выглядело мило, но все ждали окончания экзотики. Те, кто имел возможность пригласить на вечер знакомых, уже стояли парами, для остальных наступало время обоюдных пригладок: командование старалось приглашать на вечера каждый раз новых девочек из разных школ и танцевальных коллективов.

Таню и Ветку пригласил, конечно же, Чумаков. Артём отследил, как он вёл их сначала от КПП, затем помогал раздеться в гардеробе, заодно поправляя свою идеально сидящую форму. А как ласкал слух звон медалей! Ничего, что парадные, не в бою полученные. Сейчас бал. А какие и для кого конкретно прогремят баталии завтра, в том завтрашнему дню и разбираться.

Однако сразили всех не медали кавалера, а Таня, у которой в причёске небрежно шёл ярко-зелёный локон, мгновенно выделивший её из остальных приглашённых. Смело! Тронула пальчиками шары на ёлке, стоявшей у парадной лестницы, сквозь ветки и мишуру подмигнула Артёму. Уличённый в слежке, он шмыгнул в зал, забился в угол.

Пятнадцать, наконец, под деликатные аплодисменты убрали с подиума, собравшиеся ожили перед современными ритмами. Однако музыка всё не начиналась, заставив всех переглядываться. Когда пауза затянута на непростительно долгое для армии время, в центр зала неожиданно вышел начальник училища. В парадной форме и при наградах. Рядом с ним тут же выросли Кубышка и Резников, тоже при полном офицеро. Это напрыгло: извиняться и отменить вечер, сославшись на пандемию в Москве?

Эх, товарищи командиры...

— Суворовец Воевода! — вызвал Карагодин.

Артём в своём углу едва расслышал фамилию, но всё равно не поверил, что вызывает именно его. С какой стати? Пришлось потоптаться, чтобы выйти из оцепления. К командиру вразвалку не ходят, к нему даже если потребуется бежать, то последние три шага всё равно нужно чеканить строевым.

Половину расстояния Артём преодолел ускоренным шагом, потом перешёл на строевой. Топот раздался не просто в акустическом зале, а у него в голове.

— Товарищ полковник, суворовец Воевода по вашему приказанию прибыл.

Резников сделал шаг в сторону, освобождая для Артёма место рядом с начальником. От напряжения, под любопытными взглядами участников бала Артём при повороте зацепился ногой за ногу, пошатнулся. Кто-то хихикнул, и лицо Артёма сплилось по цветку с красными петлицами стоячего воротничка кителя, не дающего к тому же опустить голову.

Полковник словно дал время успокоиться, после чего сделал шаг вперёд.

— Товарищи суворовцы, дорогие гости! — элегантно склонил голову перед дамами, словно учился этому минимуму в Царскосельском лицее. — Имею честь считать Указ Главы Донецкой Народной Республики.

Артём напрягся. Кубышка достал из красной папки листок, подал ко-

ству». Но награда-то донецкая, за бои на территории ДНР полученная, и как положено отвечать там, он попросту не знал. Остановился на русском варианте: — ...Отечеству!

На этот раз раздался уже всеобщий гул одобрения, но Карагодин возвысил голос над залом, прекратив гражданский разброд.

— Суворовцу Воеводе наше троекратное...

— Ура. Ура! Урааааа! — заорали суворовцы, за счёт Воеводы получая свою долю восхищения в глазах стоящих рядом дам: ах, какие вы, вы готовы идти в бой и спасать знамёна!

— А теперь — белый танец! — не погнушался поработать диджеем Карагодин, освобождая танцпол.

И невольно оставил в центре зала новоявленного орденоносца в одиночестве. Вместо всеобщего поклонения Артёму грозило остаться без танца, потому что одно дело пригласить кавалера в общей толкотне, и совсем иное — идти к нему через весь зал под общими взглядами. Подумают, что бросаются на шею ради медали...

Оставалось снова заливаться в угол, но неожиданно за спиной послышалось:

— Разрешите пригласить вас.

Ирина Васильевна! Заместитель начальница училища по какой-то там воспитательной работе. Принимает удар на себя?

— Я... я плохо вальсирую, — признался шёпотом Артём. Разве его вина, что с ним провели всего пару-тройку занятий по танцам? Тем более, ему и впрямь хочется остаться одному, и насмотреться на медаль. Это всё «Матвей» сделал, конечно. — С табу-реткой могу, а с вами...

— А мы начнём медленно, — улыбнулась Завьялова: цените поданную вам руку, сударь!

Пространство рядом с ними заполнилось, танцующие были увлечены собой. Нет большей свободы, чем остаться человеком, не привлекающим лишнего внимания.

Но белый танец в суворовском таил опасность тем, что дамы имели право меняться партнёрами. Откуда воспитательница знала про его отношения с Таней, но едва та с Чумаченко пошла по касательной рядом, по-девчачьи хлопнула в ладоши и перехватила вице-сержанта. Не то что имела неоспоримое право как начальница, но попробуй откажи.

Артём впервые после возвращения с Донбасса оказался один на один с Таней. Она не поднимала взгляд, и получалось, что смотрела на серебряный крест. Смотри. Не он сам себе его повесил, Родина оценила. И это не кругляши за хорошее окончание четверти или прохождение на параде. Те — выдаются, как носки в каптерке, а вот крест — вручается. По Указу Главы Республики.

— Здравствуй, — тем не менее благодарно первым нарушил молчание. А по сути, сделал первый шаг к примирению. Похвалил: — Причёска интересная.

— Здравствуй. Попробовала что-то новенькое. А тебя поздравляю.

— Ерунда, — постарался за напускной бравадой скрыть довольную улыбку. Конечно, не ерунда. Не все птицы, имеющие крылья, летают. Не всякий солдат, носящий мундир, герой. Просто выпирать это неприлично.

— Ты обиделся?

— Было бы из-за чего.

— А ты уже лучше двигаешься. Вот что значит поймай медаль на грудь... Артём встал как вкопанный. Медаль здесь ни при чём. И если Таня не понимает, насколько глупы её слова, то лучше закончить танец с кем-нибудь другим.

— Прости. Она, наверное, для тебя значима.

Тем не менее, Артём намерился выйти из круга, оставив спутницу, но снова взялась неизвестно откуда Ирина Васильевна, и настолько вовремя, что двбу даваться. Хлопнула в ладоши, вернула даме Чуму, сама закущила Артёма подальше от Тани и проблем.

— Современная девушка.

Артём не ответил: ему всё равно.

— Пусть этот день останется у тебя как один из самых светлых, — шепнула с последним аккордом Ирина Васильевна.

«Пусть», — согласился Артём, провозжа начальницу на место.

Командиры, чтобы не смущать своим присутствием воспитанников, за время вальса исчезли, Ирина Васильевна тоже извинилась и вышла из зала. Из администрации училища кроме дежурных воспитателей осталась, похоже, одна медсестра Зиночка. А ни

мучительная неизбежность выбора. Он, конечно, полностью проигрывал сопернику: худоба после болезни не прибавляла стати, а форма, с чужого плеча доставшаяся, болталась и топорщилась. Внешний вид не спасает даже Георгиевский крест.

Красавице Зиночке было от чего войти в ступор: отказать орденоносцу или проигнорировать статного, более ходившего её возрасту вице-сержанта?

«Мы несём едино бремя», — вспомнил Артём и отступил на шаг назад. Он не проигрывает, нет. Он жалеет и освобождает Зиночку от неловкости. Ему этот танец — сбоку прилёка, он сам хотел использовать медсестру втёмную, чтобы показать некоторым свою истинную значимость. Но воистину в этой жизни всё аукается.

Хотя Чума, как и в случае с Таней, просто отодвигает его на обочину. И он будет преследовать, идти на поощага впереди до тех пор, пока они волей судьбы не найдутся рядом. Это пункт, бзик, от которого Чумаченко не отстанет.

А он зря пришёл на дискотеку. Мог прикинуться больным, ему бы поверили. И не следовало начальнику училища вручать награду. По крайней мере, прилюдно. Она его, донецкая, а Тула здесь ни при чём! Как же хочется домой, на Донбасс!

Пока же имелась возможность лишь снова забиться в угол. Плохо, что нельзя покидать зал: не танцуй, но присутствуй! А на деле загнали всех в сверкающую, наполненную музыкой, смехом, улыбками, но — клетку.

За происходящим наблюдал проходивший время от времени мимо открытого зала ответственный за вечер майор Кубышка. Уже переодетый в повседневу Карагодин, перехвативший его на променаде, поинтересовался:

— Что наш герой?

— Жмётся к стеночке. Пока не боец.

По крайней мере, в кругу дам.

— Свое танго начинается тогда, когда поймаешь цель в жизни.

— Да он, если откровенно, пока и по остальным дисциплинам не ахти...

Полковник не дал развить тему:

— Мы здесь не только образование даём, но и воспитываем характер. И прививаем нравственные качества. Стрелять научат в Языани.

— Так точно, — мгновенно согласился Кубышка, хотя рота по всем показателям скатилась с первого на третье